

8. Schneid B. Nino Haratischwilis “Das achte Leben (Für Brillka)” – Über die Unausweichlichkeit dieser beispielhaften Leben // MEDIENobservationen, 2014. URL: <https://www.medienobservationen.de/2014/schneid-haratischwili-das-achte-leben/>

9. Гуревич А. Я. «Верх» и «низ»: средневековый гротеск // Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М. : Искусство, 1981. С. 271–326.

Нина Осиповна Осипова,

доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет, Россия, г. Киров, nina.osipova@list.ru

УДК 93/94

«Маленький человек» русской эмиграции (по результатам работы над изданием «Русское зарубежье во Франции»)

Аннотация. Статья представляет результаты поисковых исследований в процессе работы над французскими архивами для Словаря «Российское зарубежье во Франции». В сфере внимания автора – судьбы русской эмигрантов т. н. «второго» и «третьего» ряда – тех «маленьких» людей эмиграции, которые, тем не менее, внесли достойный вклад в русскую и французскую общественную жизнь и культуру, и их имена впервые представлены в печати.

Ключевые слова: российское зарубежье, русские архивы Франции, «маленький человек».

Nina Osipova

Doctor of Sciences in Philology, Professor, Vyatka State University,
Russia, Kirov, nina.osipova@list.ru

„The small person” of Russian emigration (based on the results of the publication Russian abroad in France)

Abstract. The article presents the results of research in the process of working on French archives for the Dictionary "Russian Diaspora in France". The object of the author's attention is the fate of the Russian emigrants so-called "second" and "third" rank – those "little men" of the emigration. Nevertheless, they made a deserving contribution to Russian and French social life and culture; and their names were first presented in print.

Keywords: Russia abroad, Russian archives in France, „the small person”.

«Маленький человек» – это понятие специфически русское, обозначающее особый тип литературного героя русской литературы, вошедшего

в культурный контекст благодаря произведениям А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя и др.

На страницах их произведений постепенно вырисовался тип маленького человека – невысокого социального положения и происхождения, не одаренного выдающимися способностями, не отличающегося силой характера или специфической харизмой, но при этом обладающего добротой, духовным богатством и острым чувством справедливости. Писатели-классики, создавая образ маленького человека, хотели напомнить читателям, привыкшим восхищаться романтическими героями, что самый обыкновенный человек – тоже человек, достойный сочувствия, внимания, поддержки. Этот тип менялся с течением времени, приобретая новые черты в зависимости от эпохи и писательского отношения (например, маленькие люди Гоголя и Чехова различны по своим человеческим свойствам). Важно при этом понимать, что чисто внешние (иерархические) черты не могут являться критерием типа, то есть, например, не всякий крепостной или чиновник 14-го класса будет «маленьким человеком», в то же время представитель более высокой социальной иерархии может оказаться в ситуации «маленького человека».

Следуя литературной традиции, главными тематическими чертами этого образа являются: низкое, бедственное, подчиненное социальное положение; страдание, происходящее от собственных слабостей и ошибок; острота жизненных переживаний; осознание себя именно «маленьким человеком» и стремление утвердить свое право на жизнь именно в таком качестве; наконец, обращение к Богу как единственному носителю справедливости и равенства.

И для наших персонажей характерен весь комплекс указанных признаков, которые осложнены тем, что они были сформированы ситуацией эмиграции, которая поставила перед маленьким человеком задачу выживания и выстраивания своей судьбы в условиях изгнания. Эмиграция обострила проблему маленького человека, исключив из нее социальный критерий. Общество «маленьких людей» стремительно пополнили бывшие военные, дворяне, духовенство.

Но основная часть этих людей – это люди без судьбы. Они не были ни диссидентами, ни борцами за демократию, ни борцами против революции, советской власти, фашизма или коммунизма – они просто боролись за свою жизнь и за своё счастье и стремились сохранить свое достоинство. Именно в таком качестве они попали на страницы Б. Зайцева, Тэффи, Г. Газданова, И. Бунина...

Силу трагизма маленьких людей – «героев зловонных и темных углов» (А. Григорьев) – очень точно определил П. Вайль: «Маленький человек из великой русской литературы настолько мал, что дальнейшему

уменьшению не подлежит. Изменения могли идти только в сторону увеличения. Этим и занялись западные последователи нашей классической традиции. Из нашего Маленького человека вышли разросшиеся до глобальных размеров <...> герои Кафки, Беккета, Камю...» [1, с. 228]

При этом мы не склонны идеализировать «маленького человека» эмиграции – слишком разные типажи встречались в границах этого понятия, что нашло отражение и в многочисленной мемуарной литературе. Так, Р. Гуль вспоминал: «Я был благодарен Жоржу Леонтьеву не только “за приют”, но и за то, что он открыл мне мир русского шоферского Парижа. Когда поздно вечером мы шли обедать, моим Виргилием был Жорж. Вокруг Ля Мотт-Пике в дешевых русских ресторанах и в грязноватых “бистро” сходилась русско-шоферская братия. Тут больше пили, чем ели. Пили много потому, что “замело тебя снегом, Россия...” <...> Конечно, не все русские шоферы пили вмертвую. Многие жили семейной жизнью. Многие выбились из шоферства, войдя во французскую жизнь, многие скопили деньги, купили свои машины. Из шоферов, например, вышел талантливый писатель Георгий Газданов, автор “Вечера у Клэр”, “Ночных дорог” и др. Многие как следует встали на ноги. Но Жорж-то показал мне тот русско-шоферский мир, который, пия, шел ко дну, не хотя никуда “выбиваться”. По молодости лет в гражданскую войну Жорж попал с гимназической скамьи... А в Париже перед собой ничего кроме шоферства не видел. Собутыльниками Жоржа были и кадровые офицеры, и военного времени, все, кто, потеряв родную почву, не могли и не хотели “в этой растреклятой Франции” куда-то “выбиваться”. Вот и “пили”» [2].

Описание такой жизни мы встречаем на страницах романа «Мир» В. Яновского (Берлин, 1931), посвященного изображению русской эмиграции и ее нравов и единодушно осужденного эмигрантской критикой. Жизнь русских за рубежом была показана в романе, по выражению Н. Оцупа (Н. О-ъ), как бы с «черной лестницы», человек предстал в произведении как «существо нечистоплотное и мелко несчастное», «гадко и цинично» предающееся своим порокам, ведущее «подленькое существование», а бытие эмигрантов рисовалось «зловонной ямой». Признавая книгу «интересной», критик отмечал, что роман вызывает не столько «отвращение к миру», сколько «жалость к автору» [3, с. 263–264]. Г. Адамович в «Современных записках» особо отметил противоречия между терзаниями героев, их развратом – и постоянными разговорами «на высокие темы». Среди главных недостатков романа Адамович назвал склонность автора к «грубым мелодраматическим эффектам и контрастам», стремление «по каждому поводу ставить и разрешать мировые загадки» [4, с. 457]. Несмотря на открытое неприятие романа, в нем, по мнению критиков, нашли отражение некоторые черты эмигрантского «дна», описанные с

«настоящим знанием людей» и «живым чувствованием людского страдания» (Г. Адамович). Все это свидетельствует о том, что в жизни эмиграции существовали и активно функционировали социальные сферы, достаточно далекие от интеллектуальной и культурной элиты русского зарубежья.

Перед нашим научным коллективом авторов и составителей Словаря «Русское зарубежье во Франции» [5] стояла непростая задача: как найти среди огромного моря обыкновенных людей тех, кто оставил свой, хотя бы небольшой, след в истории Франции и эмиграции в частности? Каковы же источники, из которых черпались сведения о таких людях? Отметим сразу, что уникальность трехтомного Словаря заключается в том, что кроме известных деятелей русской эмиграции сюда вошли персонажи, не сделавшие никаких открытий в той или иной сфере деятельности, не получившие известности на общественном поприще, но в архивах, в периодике их имена остались в связи с тем, пусть небольшим, вкладом, который эти люди внесли в жизнь русского зарубежья или французской культуры. К сожалению, в Словарь из-за ограниченности объема не вошла вся информация о них, но рабочие материалы в большом количестве остались. Мы исследовали архивы обществ и профессиональные союзов, которые были важной составной частью процесса интеграции российской эмиграции в европейское общество. Деятельность общественных организаций стала единственной реальной опорой для многих тысяч эмигрантов во время их пребывания в изгнании. Причем чаще всего речь шла не о таких влиятельных и авторитетных, как Российское общество Красного Креста, Земско-городской союз и др., которые осуществляли благотворительную деятельность без введения какого-либо профессионального, образовательного или иного ценза. Но наряду с ними во Франции действовали более мелкие организации, положившие в основу своего построения факт принадлежности к определенной социальной категории.

Стремление российских беженцев, нашедших работу во Франции, к объединению по национально-профессиональному принципу – явление уникальное для эмиграции. В первой половине 1920-х гг. появились союзы русских летчиков, шоферов, врачей, рабочих, юристов, писателей, актеров и целый ряд других. Русские таксисты в Париже создали свою организацию – Союз русских шоферов, который был одновременно профсоюзом и клубом. Но даже и не об этих обществах идет речь, потому что они объединяли людей больших (и распространенных) профессий. А вот, например, было Российское спортивное общество, занимающееся улучшением физического здоровья русской колонии во Франции, которое размещалось в 1923 г. в Париже на rue de Mardebourg, было даже общество мастеров головных уборов. Именно эти общества собирали чаще всего

«маленьких» людей, и именно для таких устраивали заседания, обеды, «чашки чая», служили молебны и панихиды. Приходя на эти собрания, шоферы такси или рабочие завода снова чувствовали себя полковниками армии, портнихи – институтками, скромные служащие – чиновниками или прокурорами.

Они и составляли своего рода «русские городки», жители которых по воскресеньям и праздникам ходили в русские церкви, по утрам читали русские газеты, покупали продукты в русских лавчонках... а по вечерам ходили на русские концерты, слушали лекции и доклады, участвовали в собраниях всевозможных обществ и объединений... В эти годы в Париже насчитывалось более трехсот вот таких русско-эмигрантских организаций. Многие эмигранты были мелкими служащими этих организаций, и именно поэтому их имена сохранились в документах, многие были их участниками, одновременно работая в магазинах, на заводах, в портах.

Так, например, в словарь попал Александр Алимов, бывший сапожник, основавший впоследствии фабрику деревянной обуви, так попал И. Белавенец, шофер. Примечательна судьба О. Гронской, которая работала кухаркой, горничной, и никто бы ее так и не знал, если бы она впоследствии не написала книгу о своей жизни. Яков Гуревич служил метранпажем в «Последних новостях» – и на своей маленькой должности служил в одной из ведущих эмигрантских газет. Многие женщины-участницы организаций, объединений и кружков работали медсестрами, портнихами и попали в хронику как активные участницы этих организаций.

В ряд этих обществ можно поставить и многочисленные кружки – преимущественно любителей искусства (драматические, певческие, художественные). Стремление к самостоятельному творчеству всегда было традицией русской культуры, а в эмиграции – еще одной из возможностей самореализации и психологической релаксации. Многие были артистами-любителями и в этом своем качестве становились героями газетной хроники.

Иногда достаточно было какого-то одного факта – и человек попадал в хронику. Например, Анатолий Ленин (бывший капитан) зарабатывал уличной торговлей. Но в 1938 г. принял участие в вечере памяти певицы Вяльцевой и написал даже романс.

Еще один источник, откуда черпались сведения, – это деятельность землячеств, которые создавались не по профессиональному, не по интеллектуальному или иерархическому принципу, а по географическому.

В результате через короткие промежутки времени возникли Самарское, Саратовское, Симбирское, Казанское, Царицынское, Киевское, Харьковское, Московское, Екатеринославское и Петербургское земляче-

ства. Идея создания землячеств оказалась очень успешной, и очень скоро эти объединения российских эмигрантов превращались в своего рода клубы земляков, где издавались свои «листки», проводились общие собрания, вечера, обеды и концерты. Информация об этих вечерах и собраниях проникает в прессу и часто с указанием их участников. По этим листкам, объявлениям мы можем не только восстановить картину жизни эмиграции, но и конкретизировать ее.

Богатейшим источником стали архивы Красного Креста, в рамках которого работали сестры милосердия, санитары, работники ферм, воспитатели, члены студенческих союзов (карточки русских студентов сохранились в архивах).

Еще один источник – обращение к тем центрам, где диаспора была наиболее многочисленной. Например, в небольшом городке Монтаржи был завод, и сохранилось русское кладбище, на котором кроме рабочих похоронены учительница, занимавшаяся с их детьми, священник русской церкви... Вообще мы начинали с описания кладбищ в разных городах и городках Франции, где российская диаспора была более или менее представленной. Потом какие-то имена из этих списков мы находили в периодике, архивах – так постепенно собирался «портрет» человека, который обрастал дополнительными подробностями.

Пожалуй, самое ценное, что здесь представлен уникальный по масштабу «второй ряд», люди, не известные широкому кругу и, честно говоря, в основном забытые, как казалось, навсегда. А ведь за каждым из них целая жизнь и достойные дела. Ну кто, к примеру, сегодня знает, кем был Евгений Ионович Вдовенко? А теперь мы можем вспомнить этого замечательного человека, электротехника, протодиакона, владельца мастерской церковных облачений и принадлежностей, снабжавшего ими половину русских приходов во Франции. Или Мария Яковлевна Мясникова, всю жизнь ухаживавшая за больными в Ницце. И таких примеров – тысячи.

Одним из самых важных источников информации являются религиозные организации (списки приходов, фамилии наиболее активных прихожан, помогающих церкви). Не было ни одного христианина (или представителя иной религии), которые не были бы связаны с культовыми организациями, даже если это был самый последний нищий или безработный.

Для тех, кого мы называем маленькими людьми, религиозная составляющая была чрезвычайно важна, потому что, по большому счету, в традицию «малости» человека входит идея равенства людей перед Богом, заложенная в евангельском тексте, от которого, по-видимому, ведет свою родословную понятие маленького человека.

Человек, нарисованный в Евангелии, есть именно «м а л ы й», меньший перед Богом, а не перед земной властью, силой или богатством. Христос прежде всего обращен к «униженным и оскорбленным»: «Придите ко мне, все нуждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф., 11, 28); «то, что сделали вы одному из братьев моих меньших, то сделали мне» (Мф., 25, 40–45); «кто из вас меньше всех, тот будет велик» (Лк., 9, 48); «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; кто хочет быть первым, да будет вам рабом» (Мф., 20, 26), «смотрите, не презирайте ни одного из малых сих» (Мф., 18, 10). Евангельский человек м а л своим духом, унижен, слаб, но устремлен к Богу в ожидании высшего суда, он преображается, несмотря на земное унижение. Вообще обращенность к Богу будет одной из обязательных черт образа «маленького человека», что достигается любовью к ближнему и неизбежным страданием.

Шоферы, рабочие заводов, счетоводы, казначеи, медсестры, мелкие бухгалтеры – все были равны перед Богом и в своем участии в делах церкви. Так, в Словарь попал прихожанин Александро-Невского собора Владимир Ленци – таксист, шофер грузовых фур, открывший первый в Париже гимнастический зал... Виктория Баумгартен, медсестра, была членом женского кружка особого комитета по сбору средств на ремонт Александро-Невского собора. Бывший офицер Сергей Доможиров служил дворником при этом же соборе. Многие участвовали в ремонте, реконструкциях, строительстве храмов, о чем также сохранились сведения, вошедшие в наш Словарь. Например, Ирина Мусина-Пушкина, работница бумажной фабрики, одновременно занималась распространением «Вестника западноевропейской епархии».

Помощь ближнему становилась тем импульсом, который помогал выжить и самому человеку, психологически утвердить себя в чужом мире. Отсюда многочисленные благотворительные акции (я не имею в виду благотворительность высокого уровня): работа воспитателями в детских лагерях, проведение детских елок, помощь в оформлении документов безграмотным и т. д. Так, Ирина Гербильская (портниха) организовывала благотворительные базары в пользу нуждающимся. Татьяна Розеншильд-Паулин, которая торговала на рынках, разводила кур, кроликов, в то же время шила одежду из одеял для бездомных и помогала русским в оформлении документов.

Информация такого рода собиралась по крохам – через хронику, воспоминания, церковные архивы, установление дат рождения и смерти по кладбищенским записям. И когда удавалось заполнить тире между датами рождения и смерти, пусть даже самыми малыми сведениями, человек становился персонажем Словаря.

К сожалению, далеко не все сведения удалось собрать. Сегодня появилась возможность работать с архивами и документами, используя большие данные, цифровые технологии. Идет процесс активной цифровизации архивов (например, оцифрована русская периодика библиотеки ВДИС, идет активная оцифровка русских архивов в США, Амстердаме, частных коллекций... Процесс сбора материала продолжается и сейчас, собрана обширная база данных, и хочется надеяться, что со временем мы сможем больше узнать о жизни обыкновенного человека, мечтающего об обыкновенном счастье.

Список использованной литературы

1. Вайль П., Смерть героя // Знамя. 1992. №11. С. 228–232.
2. Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. URL: <http://www.dk1868.ru/history/gul2>).
3. Н. О-ъ. В. Яновский «Мир». Рецензия // Числа. 1932. № 6. С. 263–264.
4. Адамович Г. Рецензия на роман В. Яновского «Мир» // Современные записки. 1933. № 52. С. 457.
5. Русское зарубежье во Франции: 1919–2000 : биографический словарь : в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М. : Наука. Т. 1. А–К – 2008, 796 с.; Т. 2. Л–Р – 2010, 685 с.; Т. 3. С–Я. Дополнения. – 2010, 757 с.

Вадим Ибрагимович Мусаев,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Россия, г. Санкт-Петербург, vmusaev62@mail.ru

УДК 314.74; 94(47)

Русская диаспора в Финляндии в 1920–1930-е гг.: формирование, способы адаптации

Аннотация. После событий в России в 1917 г. и последующие годы Финляндия стала одной из стран «русского исхода». В силу ряда причин Финляндия не относилась к числу основных стран, в которые устремлялся поток беженцев и эмигрантов из бывшей Российской империи. Этому препятствовали языковые и культурные различия между эмигрантами и коренным населением страны, наличие в Финляндии антирусских настроений и довольно жесткая иммиграционная политика. С другой стороны, действовали обстоятельства, которые способствовали тому, что часть выходцев из России оседала именно в Финляндии. К ним относились близкое соседство Финляндии, про-